

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Г89

Ранее книга издавалась под названием
«Перуновы дети»

Дизайнер обложки *Яна Паламарчук*

Гнатюк, Валентин.

Г89   Деревянная книга / В. Гнатюк, Ю. Гнатюк. — Москва : Издательство АСТ, 2018. — 544 с. — (Славянская книга).

ISBN 978-5-17-982722-1.

Роман представляет собой многоплановый экскурс в различные временные пласты, где прослеживается история создания, потери и нового обретения древнейших славянских текстов-летописей, которые вполне могли быть «Велесовой книгой» или ее аналогом.

Первая часть — «Деревянная книга» — повествует о находке дощечек с неизвестными письменами в имении князей Донец-Захаржевских под Харьковом во время Гражданской войны. Древнеславянскими униками занимаются художник Изенбек и литератор Мироллюбов.

Вторая часть — «Великий Триглав» — знакомит читателя с событиями и личностями Древней Руси X века — волхвом Велмиром, старым воином Мечиславом и его учеником Светозаром. Рассказывается о создании деревянных дощечек.

Главным героем третьей части — «Нить времен» — является бывший сотрудник спецслужб майор Чумаков, к которому после тяжелого ранения приходят странные видения. «Пропуская» через себя древнее, он становится «жрецом» современности.

На переломе эпох всегда важно прикоснуться к опыту тех, кто уже прошел подобные испытания.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-982722-1.

© Гнатюк, В.С., Гнатюк, Ю.В.
© ООО «Издательство АСТ»

Пролог

Лета 1676 от Р.Х. Харьковщина

Полковник чувствовал себя уставшим. И эти сожженные книги... Они так и продолжали стоять перед глазами. В жилах полковника текло много разных кровей, но более всего от вольных донских казаков и гордых польских шляхтичей. Как человек весьма образованный, в глубине души он сокрушался гибели редкостных вещей. Огню все одно, что глотать, книги или поленья, а каким украшением книжного собрания могли стать деревянные дощечки!

Солнце уже стало изрядно припекать, когда Донец-Захаржевский вместе с полковым писарем и двумя казаками въехал на широкий двор городской управы. Следом вкатилась телега, которой правил пожилой хитроватый казак Евлампий с пышной окладистой бородой.

Сам харьковский воевода Ерофей Захарович Молодецкий, невысокого роста, плотный и осанистый, стоя на заднем крыльце, распекал за что-то караульного пристава.

Увидев въезжающих, воевода, пригрозив приставу в другой раз отправить самого за караул, отпустил его коротким повелительным жестом. Пристав мигом исчез с глаз долой.

Воевода спустился с крыльца навстречу Захаржевскому, с которым они были давние приятели.

— Рад, рад видеть тебя, Григорий Михайлович!

— Здравствуй, Ерофей Захарович! — отвечал Захаржевский, спешившись и отдав казаку поводья. — Вот приехал у

тебя бумаги фуражные подписать да распоряжения кой-какие. Прощка! Поддай его милости наши хартии!

Писарь с почтительным поклоном передал подготовленные бумаги.

— Ну-ну, — пробормотал воевода, — поглядим. Отнеси куда мне на стол, нехай мой старший писарь проглядит, а я потом подпишу.

Проход пошел в здание управы.

— А это что? — спросил воевода, кивнув на телегу, из которой казаки выгружали увесистый бочонок.

— Гостинец, — улыбнулся Захаржевский. — Не побрезгуй, Ерофей Захарыч, прими. Это крымское вино.

Воевода ласково погрозил пальцем:

— Ох, чую, Григорий Михайлович, ежели б не оказия, так и не заехал бы к старому другу! Ну ладно, ладно, — успокаивающе похлопал он Захаржевского по плечу. — Слышал о твоих заботах, имение приобрел, дом новый строишь...

— Твоя правда, Ерофей Захарыч, — развел руками Захаржевский, — столько хлопот. Но уже дело вроде к концу движется, Бог даст, к осени въедем. Так что уважь, милости прошу на новоселье с супругой и детьми!

— Непременно, непременно. А сейчас пойдем, Григорий Михайлович, отобедаем да кваску выпьем холодненького, жара какая сегодня! — воевода, сняв фуражку, вытер платком вспотевшую лысину и шею.

— С удовольствием, — согласился Захаржевский, — с раннего утра в дороге, торопились, чтоб на торг поспеть.

Обедали в комнате, выходившей окнами на городскую площадь. Целовальник принес жирный малороссийский борщ с чесночными пампушками, гречневую кашу с телятиной и печеных угрей. На десерт — холодец из крыжовника, фрукты. Поставил водку в турецком серебряном кувшинчике и серебряные чарочки.

— Прошу без церемоний, у нас все по-простому, — пригласил воевода и велел прислужнику. — Принеси-ка, братец, нам еще того вина из бочки, что пан полковник прислали, отведаем!

— Слушь, Ваша ясновельможность!

— Давай выпьем, Григорий Михайлович, за нас, старых вояк. Славный был тогда поход на Крым, как мы турок с татарами били! А нынче уж не то, хлипкий народ пошел... Ну, со свиданьем!

Выпив, крякнули и принялись за еду.

— Ерофей Захарович, — спросил Захаржевский, управившись с борщом, — я вижу, на площади срубы поставлены, и народ собирается, никак казнь намечена?

— Да, Указ Государев намедни получили по делу чернокнижников, — отвечал воевода, беря кусок угря.

— Припоминаю, — наморщил лоб Захаржевский, — года два тому тоже какого-то колдуна взяли?

— Это он самый и есть. Пока дознание вели, свидетелей опрашивали, три селения по сему делу привлечено было, около сотни человек. Потом дело Государю отправили. Теперь вот дождались Высочайшего Указа. Сгорит нынче колдун вместе с братом своим и книгами богомерзкими. Ох, грехи наши тяжкие! — вздохнул воевода, перекрестившись на висевшую в углу икону. — Раньше много их было, — продолжал он, наливая вина из резного деревянного ковша в чарочку, — я имею в виду, колдунов и ведьм всяких, в каждом селении водилось не менее чем по пяти человек. Да прежний наш самодержец, благочестивейший царь Алексей Михайлович, извел бесовское племя, ох и сгорело их сколько, доложу тебе! Нынче такие дела уже не часто встретишь, так что советую поглядеть. Доброе вино! — похвалил воевода и принялся за кашу.

— А этот, видно, весьма опасен?

— Еще как! Еретическими наговорами из волшебных книг людей портил и прельщал, к малым детям и больным в дом ходил и чинил над ними бесовские волхования. За подобные дела уже дважды был бит плетьюми и к нам в украинные земли на поселение сослан. Однако и тут от своих богомерзких дел не отрекся. Сельский поп с дьячком челобитную подали, да еще сродственники тех, кто чародейством испорчены были или померли. Когда сыск производили, на дальней заимке толченых трав несколько мешков взяли, узлы с пучками всякими и кореньями, а книг разных отреченных, почитай, целый воз!

Так-то, дражайший Григорий Михайлович, это тебе не ваши полковые дела!

— Что же, колдун во всем сознался?

— Под пытками попробуй, не сознайся. Один, правда, покрепче оказался. Зато брат его, как только дьяк пятки поджарил, сразу про все рассказал. Да и свидетелей столько, и книги — признавайся, не признавайся, а еретичество налицо.

Шум на площади усилился и перешел в тревожное гудение.

— Видать, чернокнижников везут, — сказал, поднимаясь, воевода. Перекрестившись в святой угол, воевода с полковником надели головные уборы и пошли к выходу.

В это время со стороны двора донеслась громкая перебранка. Выйдя на заднее крыльцо, увидели приказного дьяка, который ругался с караульным приставом.

— А я реку, давай лошадь с телегой, да поживей, душа твоя нечестивая! Вишь, колдунов уже везут. Что ж мне, эдакую пропасть узлов окаянных на плечах прикажешь тащить к срубам, ирод ты великогрешный, а?

— Ну, нету телеги, с утра об этом думать надо было, а теперь все лошади и возы по делам разосланы.

— А я с утра не мог про сие думать по причине важных и спешных государственных дел! — желчно кричал дьяк, трясая козлиной бородкой.

— В кружечной ты свои дела справлял, думаешь, мне не ведомо? — зло отвечал пристав.

От этих слов дьяк взвился, как ужаленный, и заверещал еще громче, брызгая слюной.

Воевода поморщился, будто откусил пересоленный огурец.

— Ох, и мерзопакостный голос!

Захаржевскому вдруг ясно представилось, как этот тщедушный дьячок с вкрадчивым ядом в голосе подзадоривал узников: «Не помнишь, кого ворожбе обучал? Так сейчас, голубь ты мой сизый, поможем... Ну-ка, Федька, подсыпь горяченьких углей молодцу под пятки, может Господь память-то ему возвратит! Поболе сыпь, не жалей для спасения души грешной!»

— Голос и впрямь не серебро, — согласился полковник. — А пушай берет мой воз, — предложил он. — Евлампий все одно прохлаждается.

— Афанасий! — окликнул воевода. — Вот пан полковник позволяют свой воз взять, а про твои грехи мы после потолкуем. — Митрофан, — обратился он к приставу, — неси ключи от амбара, открывай, да грузите все, живее!

Обрадованные пристав с дьяком поспешили к амбару, где под караулом в отдельной камере хранились отобранные у чародеев вещи, травы и прочие доказательства их зловредной деятельности.

— Евлампий, подавай к амбару! Федор, Григорий, подсобите! — окликнул полковник казаков.

Под визгливые покрикивания дьяка казаки стали выносить из каморы скарб чернокнижников. Воевода с полковником тоже подошли к возу, на котором уже высилось несколько мешков с травами, а из широкого, связанного концами рядна торчали коренья.

— Все сразу не поместится, траву потом, следующим ходом, давай первым делом богомерзкие книги! — распорядился дьяк.

Дюжий казак Григорий, подойдя, грохнул тяжелый полосатый чувал, старый, с проеденными мышами дырками. Гнилая завязка лопнула, и из прорехи высыпалось несколько деревянных дощечек с вырезанными на них не то буквами, не то знаками.

Захаржевский взял одну из дощечек, повертел, ковырнул ногтем облешшее покрытие.

— По всему, старинные доски, — обратился он к воеводе. — Дерево вон какое темное, лак почти стерся, кое-где шашель начинает бить... — Полковник потянул из разорвавшегося чувала вторую доску, но вместо одной вытащил целую связку дощечек, скрепленных с одной стороны железными кольцами. — Гляди, Ерофей Захарович, — удивился Захаржевский, беря связку, — и впрямь книга, только деревянная. Едва ли и сам чернокнижник мог ее прочесть, как думаешь? Я библиотеку давно собираю, книги люблю, но таких никогда не видал. Слыхивал только, что были когда-то деревянные книги, а вот в руках впервые подержать довелось...

Воевода вскользь взглянул на дощечки и только махнул рукой.

Казак принес еще охапку книг, высыпал их на толстый слой сена, устилавшего дно, и снова скрылся в проеме амбара.

Глаза Захаржевского обратились на большую книгу в красном сафьяновом переплете с полуистертой вязью золоченых букв. Сафьян был местами протерт насквозь, но углы, окантованные серебряными накладками тонкой чеканки, остались целы, и книга имела еще довольно приличный вид.

Захаржевский взял ее, раскрыл. Внутри на тонких пергаментных листах красными, частью, выцветшими чернилами, был выписан удивительным каллиграфом рукописный текст, заглавные буквы которого переплетались с дивными растениями и птицами. С трудом полковнику удалось разобрать первые слова в сложной вязи заглавия: «Сказъ о Св...ве ..ромъ ...нязе кievскомъ».

Что за «Св-ве»? Савве? Или святом Савле? Постой!»...нязе кievском» — может быть «о Святославе, князе киевском»?

— Ерофей Захарович, Ваша милость! — доложил пристав. — Чернокнижников привезли!

— Заканчивайте скорей! — поторопил воевода. — Идемте, Григорий Михайлович.

— Да, да, сейчас, — отвечал Захаржевский, кладя книгу обратно. Мельком выхватил названия других книг, записанных, видимо, самим чернокнижником от руки неровными буквами: «Звездочтец», «Громовник», «Коледник», «Волховник». Уловив на себе пристальный взор Евлампия, спохватился, что слишком увлекся просмотром еретических книг, и поспешил вслед за воеводой.

Евлампий принялся плотнее укладывать мешки и связки. Наконец, дьяк уселся рядом на передок и приказал:

— Трогай!

Воз выехал со двора управы и, сопровождаемый казаками, направился к срубам.

Воевода, переговорив со стрелецким начальником, велел подать коней, и они с Захаржевским верхом поехали сквозь расступающуюся толпу к центру площади.

Стрельцы в своих красных кафтанах бердышами оттесняли слишком любопытных зевак, пытавшихся проскочить сквозь оцепление.

— Все готово, вашь Высокородие! — доложил стрелецкий сотник. — Можно начинать!

Воевода огляделся и, найдя, что все идет как надо, согласно кивнул.

Осужденные, доставленные под усиленным караулом на специальной телеге в железной клетке и закованные в цепи, сидели отрешенно, не глядя на теснящуюся вокруг толпу, словно не они являлись причиной предстоящего действия.

Клетку отворили, буквально выволокли оттуда братьев, потому что сами они идти уже не могли, и потащили к срубам. Палачи и их подручные помогли караульным втащить осужденных на помост и приковали с двух сторон к столбу на всеобщее обозрение.

Кто из братьев старше, теперь судить было трудно, оба представляли ужасное зрелище: одинаково измученные и изувеченные пытками, обросшие, в изодранных рубахах и портах на тощем теле. Оба, видимо, отличались прежде недюжинным здоровьем, если смогли вынести все пытки, не помереть и не сойти с ума, как это происходило со многими. В таком случае высшему начальству отписывалась бумага, что означенные люди удавились, отравились зельем, учинили над собой смертоубийство, либо просто «померли за караулом своею смертью».

Один из братьев был понур, с потухшими очами, и лишь стонал, когда его вывороченные в суставах руки и ноги крепко пригвождали к дереву.

Второй, что пониже ростом, окидывал площадь странным жутко горящим взглядом.

— Не гляди колдуну в глаза! — крикнул кто-то в толпе неподалеку, — положит заклятие, потом уже никто не снимет!

— Точно, в предсмертный час у него самая сила, ее демоны приумножают, так вокруг и вьются. Детей, детей прячьте!

Когда колдунов привязали к столбу, приказной дьяк с царской хартией и печатью на шнуре гордо взошел на помост, прокашлялся и стал громко читать своим высоким дребезжащим голосом:

— По Высочайшему Указу... Великого государя, царя, самодержца всея Великия и Малыя и Белья Руси... Ввиду того, что многие незнающие люди в польских и украинских землях, забыв страх Божий и не памятуя смертного часу, и не чая за то себе вечные муки, держат отреченныя еретическия и гадательные книги, и письма, и заговоры, и коренья, и отравы, и ходят к колдунам и ворожеям, и на гадательных книгах костями ворожат, и теми кореньями и отравы, и еретическими наговоры многих людей насмерть портят, и от тое их порчи люди мучатся разными болезнями и помирают, строжайше повелевается...

Дьяк сделал многозначительную паузу и строго посмотрел на стоявших впереди свидетелей, проходивших по делу о колдовстве.

— Повелевается, — продолжал он, — чтоб люди те впредь никаких богомерзких дел не держались и те б отреченные и еретические книги, и письма, и заговоры, и гадательныя книжки, и коренья, и отравы пожгли и к ведунам и ворожеям не ходили, и ведовства не держались, и людей не портили!

Притихшие было свидетели, услышав, что карательных мер к ним применять не будут, радостно зашевелились.

— Относительно же чернокнижников Тимошки и Софрошки Савиновых, — читал далее дьяк, добавив в голосе грозных нот, — которые от таких злых и богомерзких дел не отстали и Указ, воспрещающий бесчинства и чародейства, неоднократно нарушили, за то воеводе харьковскому Ерофею Захаровичу Молодецкому повелеваю дать сим злым людям и врагам Божиим отца духовного, сказать братьям Савиновым их вину в торговый день при многих людях и казнить смертию — сжечь в срубе с кореньем и травы безо всякия пощады, а дома их разорить до основания, чтобы впредь зल्या их дела николи нигде не вспомянулись, а иным неповадно было наговоры читать и людей до смерти кореньем отравливать... * Указ подписан... именем Великого самодержца Федора Алексевиича... Июля месяца, дня третьего, лета одна тысяча шестьсот семьдесят шестого от Рождества Христова...

---

* Подлинный текст из официальных актов Московской Руси XV-XVIII вв.

Отец Иннокентий, назначенный духовником, уже поднялся на помост. Несмотря на жару, он был в полном облачении. Подойдя вначале к тому, что был выше ростом, стал говорить с ним. Захаржевский улавливал не все слова, он только видел бледное лицо приговоренного и глаза, полные смертной тоски, из которых, при обращении к нему священника, полились обильные слезы.

— Веруешь ли ты во Христа? — спросил, поднимая большой золотой крест, отец Иннокентий.

— Верую... — всхлипнул осужденный.

Священник снова спросил:

— Веруешь ли во Христа?

— Верую, отче! — с безысходной мольбой и отчаянием отвечивал тот.

И в третий раз спросил духовник:

— Воистину ли веруешь?

— Воистину верую, отче!

— Слава тебе, Владыко, Христе Боже, человеколюбче, ибо примет смерть Софрон Савинов рабом твоим!

И, перекрестив широким знаменем, духовник протянул крест для целования.

Как в предсмертной агонии дернулся осужденный навстречу, но почерневшие цепи, глухо звякнув, остановили порыв, и он, слегка коснувшись распятия губами, вновь обмяк и обреченно повис, понурив голову. Потом рванулся, задергался и стал истошно вопить:

— Люди добрые, за что? Невиновен я, православные, именем Христа и матушки нашей Богородицы лечил людей! У кого хошь спросите! Отпустите меня, а-а-а!

Женщины в толпе запричитали, завсхлипывали, истово крестясь.

— Он моему Митьке огневицу вылечил, — вполголоса со слезами на глазах сказала одна селянка другой.

— Цыть! — шикнула та. — Хочешь, чтоб и нас к еретичеству приписали? Молчи!

Отец Иннокентий между тем, тяжело отдуваясь, подошел ко второму еретнику.

— Покайся, очисти душу перед кончиной! — сказал ему священник.

— Не в чем мне каяться, — отвечивал слабым, но твердым голосом осужденный, — не делал я людям зла...

— Перед Богом ответ держать будешь, подумай, не богохульствуй в свой смертный час. Гореть ведь будешь, окаянный, в вечной геенне огненной! — стал терять терпение духовник.

Возникла пауза.

Колдун поднял глаза, посмотрел в голубое небо, сощурился на жаркое солнце. Потом, как будто оттуда к нему пришла неведомая сила, расправил искалеченные плечи и заговорил окрепшим голосом:

— Перед честным народом, перед богом Всевидящим, перед небом этим синим и солнцем праведным, в сей смертный час, клянусь, что не творил зла ни людям, ни детям, ни скотам, а лечил их только во здравие! Да услышит меня Господь Всевышний и простит, и вы простите, люди добрые, ежели завинил в чем неволью...

— В глаза, в глаза не гляди! — вновь тревожно зашептал чей-то голос.

Отец Иннокентий поспешно осенил еретика знамением и приложил крест к его сухим губам. Резко повернувшись, чтобы идти, он вдруг почувствовал головокружение. Может, сказала жара и плотный обед с водкой накануне, но в глазах потемнело, и священник, протянув руку вперед, покачнулся, подобно беспомощному слепцу.

Гул и ропот волной пробежали по толпе и замерли. В напряженной тишине стало слышно, как щебечут птицы, и шуршит на ветру солома у подножия сруба.

Быстрее всех опомнился дьяк, который имел немалый опыт в подобных делах и знал, что чародеи способны на всякие козни, особенно при стечении легковверного и неискушенного народа.

Метнувшись к отцу Иннокентию и поддержав его под локоть, дьяк рявкнул на оторопевших стрельцов:

— Чего столбами стоите, охальники? Не видите, оступись отец Иннокентий, подсобите, окаянные!

Двое стрельцов миглом влетели на сруб и бережно свели обмякшего духовника по деревянным ступеням.

Воевода тоже опомнился и махнул палачам:

— Поджигайте!

Смоляные факелы почти одновременно опустились в кипы соломы. Повалил густой белый дым, и тут же запылало жаростно и жарко. Огонь, жадно поглощая сухую солому, перекинулся на щепу и дрова, облизывая их голодными языками пламени.

Дьяк подскочил к телеге Евлампия, стоявшей неподалеку.

— Живей! Давай в огонь скарб чернокнижников! — прикрикнул он на старого казака и, схватив мешок с травой, сам швырнул его в кострище и перекрестил ограждающим знаменем.

Евлампий, ворча под нос, что не нанимался, дабы его лошадь пугали огнем и такими зрелищами, тоже стал таскать и бросать в огонь травы, книги и все прочее из телеги.

В несколько мгновений жар стал нестерпимым для прикованных к столбу еретиков, и воздух пронзили страшные душераздирающие вопли.

Люди на площади разом подались назад и закрестились еще истовее. Многие готовы были бежать прочь, но оцепленность стрельцов сзади не позволяло никому покинуть площадь до конца казни. Всем следовало воочию убедиться в неотвратимости страшной кары за еретичество.

— За что? Спасите! А-а-а! — взывал один из чернокнижников.

— Прощай, брат! — кашляя и задыхаясь, хрипел второй. — Радуйся, конец нашим мукам пришел... Скорей бы... О-о-о! Люди, что ж вы творите?

Скоро их крики перешли в сплошной ужасающий вой.

Бабы заголосили, как полоумные. Крик казнимых как бы размножился, рассыпался по толпе женским и детским плачем.

Запах горячей человеческой плоти поплыл над площадью, и безумные стенания сжигаемых заживо скоро прекратились — они потеряли сознание, а может, уже умерли. Только площадь продолжала вопить, и к синему бездонному небу поднимался столб дыма и жирного пепла, вознося к Богу отданную ему жертву, жертву мерзкую и страшную — человеческую...